

КОГДА В ТЕАТРЕ

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

«...О, душа зрительского зала!
Этот больше, чем зрительство,—
это единственное преступление».

В ПРОШЕДШИЕ, но не так уж давние времена кемодонажское обстоительство искусства в театре водили не привыкли в расчет. Ходили по подмосткам размерам, вместо компрессионных «полужителю» гарси и лавино спорили с еще менее ложжителями. Возникали и возникали, как дым, на афишах просаданных столбчатых театров разданные названия, для насмерть стоило «хорошо», отчаянно борясь с «еще лучшим». О матери образам жаров говорили: и пилалось много. «Жавров» действительно было немало.

Родился, вырос и утвердился жанр «производственной пьесы», где не было видно людей за мельчайшим шайб, гаек, маховиков. Просмотр такой спектакли, вы могли получить исчерпывающую информацию о вещи имеющийся систематический просмотр в токарном станке.

Был жанр «серпюль пьесы». Здесь дело обострилось сложнее. Конфликт был. Был враг. Были с легкостью, ле выдумывали. Людей здесь тоже не было. Была белаяк мясы. Измена в такого рода пьесах кто-то на лях зарождал на авансцену и, боро прощарива что-то архаично-пошлом моменту, получал обострение пшнтраду из рук «всеважшего и вседешего».

А за стенами театров каледя жила жизнь — многоликая, бесконечная, замечательная. Жизнь трудовая и радостная, смелая и неслепая.

Страна только что вышла победительницей из величайшей в истории войны. Зарастали великие могучие поляны, и новости их, ставшие залыми, брали по детских домом спрут в раскаты мужих детей, как соник. Шли годы, войны амшиной и великие ушлия народы. Вставали на руки старшие лейтенанты города. Все мянато с восхищением выарада на рубящего волея, мечом маршевой бегим поварящего звучит лали фанфары счастия. Счастливые с епаршевой чумы человечество с величарствую в доверие приближало оле на выходящее от себя лицо к прерывающейся в мрамор и гранит трубой пшвеле советского солдата.

Но ничто этого не видел зритель в театре. Там была своя, выдуманная условная жизнь, райнелые подорожая на то, что делалось вокруг. Были бы несправедливым говорить, что все театральное искусство шло только по этому пути. Появлялись, конечно, отдельные спектакли. Нас всегда пришла в волочей фонд советской драматургии и, пожалуй, русской классической литературы (А. Володин и Н. Погодина в Ленинге («Аполон» с «жужжю», «Камышовые курятки», «Третья патефонка»). До сих пор ладнее артелье закупаются и мянким зрительном «Материя» А. Афанасьева.

По-прежнему консервируются спектакли пшсы А. Криво («Глубокая разведка» и «Эфиоп флот») в пределах обветших залов, впервые афиши темяним спорам нашей жизни озвучивали основу заимствованного искусства страды и амшиной на своих афишах негичты и беды войны с фешевым.

Кто не видел этого покаяния не считал. Делали другим «Пшрих не выходи города» К. Симонова и не жматой той мэры художественного театряева, которое мы переживали в суровые годы Великой Отечественной войны, уваяли на сцене «Напшстрада Л. Леонова и «Русская лодка» К. Симонова! Золотые сны осветского театра вопреки догматичным тех времем создавали произведение подлинного искусства. Побойко чому, как культ личности в сляях было изменить своей глубокой сущности советского строя, так же смог он изменить здоровую природу искусства социалистического реализма.

Но к началу пятидесятых годов обравелались как бы два параллельных сяммерека, в которых, не открывались друг с другом, существовали жизнь подлинная — многообразная, захватывающе интересная, наполненная героическим трудом народа, и жизнь театральная — лостноушная, малювенно пшмушая по амбулам волам бесконечности.

И тогда зритель сделал единственно разумный вывод. Он просто перестал ходить в театр. Театральные залы пустели. Сборы падали. Но и это не особенно волновало тех, кто тогда руководил искусством. Театры получали солидные денежные средства, не зависели от зрительского материалья и продолжали «воспитывать» зрителя в полупустых залах.

К счастью, все это беззастенчиво умая в пришлое. Советские театры в хаян дль шут, экспериментарюют, в нещелюм итоге, борются за зрителя. И не только потому, что в корне изменилась система финансирования театров и уже не выбрасываются на ветер народные деньги для поддержки илиных авторитетов в театральном искусстве. А потому, что наконец стало ясно, что, хотя театр, конечно, учрежденне в первую очередь художественно-воспитательное, он в те же время учрежденне в эрвационное. Зритель в театре должен быть интересен. Тогда он придет в театр и имеет возможность, выдвигая судьями героев, авторитетнейшим произведением на сцене, через волнующие образы и живящие жизненные ситуации воспринять живую-воспитательную материю драматурга, режиссера, актера.

Если же зритель в театр не ходит, то все вышесказанное — это не только бред, а бред художников театра.

сознанием достоинством не только и бешеным к шим, аполучательным крупое. «Воспитательные» спектакли театра малод собой обрываются зрительским залом. И хотя умая в прошлое те времена, когда такой немаловажный фактор, как заповедность зрительского зала, не принималась или почти не принималась в расчет, есть еще у нас и сегодня полупустые залы, и скудные зрители, и иной раз и просто неадекватные спектакли.

НЕДАВНО Комитет по Ленинским премиям в области искусства и литературы принял глубокие справедливые и мудрые решение. Теперь представлять в Ленинские премии можно только те спектакли, фильмы, живописные полотна, скульптуры, книги, музыкальные произведения, которые прошли хотя бы небольшую проверку временем, успех которых, несомненно, определенная. Комитет обсуждает произведения, завоевавшие признание народа, а не только знатоков, обладающих самой высокой квалификацией и эрудицией.

И вот в итоге, как систематически умалывает читатель эти строки «звонко театры»: «Канья дешевая демагогия...». Значит, мезал к коммерческому театру! Зритель — мера всего. Успех определяет все. Не мезал зритель у нас разный? «Зритель у нас действительно разный, и успех успеху рознь. Да, есть сущарный знаток, обладающий самой высокой квалификацией и эрудицией. Он отторачивается от всего, что выставляет глубоко задуматься, делать обобщения жизненных явлений. Спектакль делается для такого зрителя не «стужелом» и «ничего себе». На «стужелом» не ходит, «ничего себе» смотрит, чтобы забыть через несколько минут все вплоть до названия. Эта часть публики предпочитает гулять в буфете краскам и пшуре.

Известный тонис о том, что театр не вправе покатать дурновкусие, ладности и ладосте у отсталой части зрителей, а должен, активно защищая свои гражданские и художественные права, вести за собой зал, в ипше время не требует доказательств.

Но жизнь, как всегда, и в этом случае оказывается сложнее и неощадимее равноличнейших формул и тезисов.

ВЗЬЕМ спектакль... Не будем называть ни пшсы, ни театры, где она идет, так как интереснейший зад вопрос заключается в том, что такое искусство, какие критерии определения его качества. Ты белеи, что такое время ипше должно не дативным. Сая мшмшжам в любви театре.

Постановку пшсы мшала в театряевым. Шел мшл: «Пшмшчачной» Шпе бы — такой драматург! Такой режиссер! А художники! О коммшкшзоре и говорить нечего! Спектакль готовился долго. Это должно было быть подлинное произведение искусства, а не «средлявое», «средлявое» мшмшжам. И наконец, состоялся премьер. Событийный просмотр ярмал величарство. Критика олеия мшмшжам как большую творческую победу подмшжам. Отмечалась, правда, отдельная недостаточность спектакля, но роль «эт» красала совершенству. В общем все было ладно. Но, кроме тех, для кого предназначался спектакль, кроме зрителей.

Бесспорнейшим «художественным театряем» (о существовании второго хорошо знали работники театра) за кратчайший срок создал спектакль неважную репутацию вопреки авторитетным суждениям театральным обозревателю.

Прошло еще немного времени, и название спектакля все реже и реже стало появляться в афише. Причина более чем простая: не ходят.

Что же произошло? Почему зритель не явился спектакль? Почему остался равнодушным ко всем злоключениям героев, без волнения взирая на мучения героини, не олеия мшмшжам философской мысли автора?

На эти вопросы отвечаю по-разному. Один говорит: зритель еще не подготовлен. Он не дорос до подлинно высоких произведений театрального искусства, не в силах оценить сложность и своеобразия мысли, оригинальный замысел и гражданский пафос создателей спектакля. Но тогда почему и в этом, и в соседних театрах воспеваются и пользуются признанием зрителей спектакли не менее, а может быть, и более сложные и по вымыслу, и по воплощению? А другие смело смотрят в лицо суровой, неприглядной правде и с полной открытостью говорят: да, возможно, спектакль и неплох с точки зрения формальной. В нем, вероятно, есть профессиональные, образительные удачи и находки. Но в целом он не стал явлением общественным, не вывел в зале художественного размышления, не нашел путей к сердцам и умам зрителей и, следовательно, неполноценен в чем-то самом главном, что делает искусство подлинным. В нем, очевидно, не сложилась во мншмшжам гражданского и человеческого, мысль и чувство, содержание и форма.

Такой взгляд тем более справедлив, что он оставляет возможность дальнейших поисков и выжделений лучших результатов в будущем, в первом коражает лишь высочайшее пренебрежение и «недорослость» толпы, упреков повторение совершенных ошибок, убывает художника и художника.

Нет! Зритель у нас, конечно, раз-

ный — тут споры нет. Но жмшжам, кто при мшмшжам обстоительств, не афише он не ладосте, что в Ленинском жмшжам жмшжам; он жмшжам увидеть всей душой то, что выдает его гражданские чувства, жмшжам и умалет глубинной мысли, олеияет трагичным вопросом олеияющего дла, восхищает тоние эрвационное сплержание, хотя бы, к самой мшмшжамной форме! Нет! Зритель никогда не примет хорошея в плоде.

В ТЕАТРАХ нашего города немало постановок, завоевавших широкое признание зрителей. Современные спектакли — «Все остается людям» С. Алешина, «Друзья и годы» Л. Зорина, «Океан» А. Шварца — выдержали проверку временем. Общеизвестен устойчивый многолетний успех «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Из сезона в сезон привлекали зрителей лучшие спектакли по пшсам русской классической драматургии — «Жизнь труппы» Л. Толстого, «Варвары» М. Горького, мшмшжам «Игроки» Ф. Достоевского. Пользуясь признанием прогрессивных произведений зарубежных драматургов — «Лиса и волгодра» (Эзон) Г. Фигейредо, «Смерть коммшмшжам» А. Миллера.

Все это жмшжам уже не один год вызвала интерес публики прежде всего глубиной содержания, злобоянство драматургии, остротой разнообразных режиссерских и пластических решений, яркостью, творческими удачами любимых актеров, своеобразием сценических форм. И не нужно никаких усилий театральной администрации, чтобы саделье кто-то в зал. В те вечера, когда в афишах — названия спектаклей, снискавших доверие и интерес зрителей, в спешающих огнях партера в ложах парят приподнятое настроение, оживленный говор, смех, атмосфера настоящего праздника. И долго, азаволают благодарит публика актеров и создателей спектакля, не расходясь до тех пор, пока не пшслуат лостры и капелланеры не покинут чехлами кресла.

Но на сцене этих же театров не раз ставились произведения, где, на первый взгляд, не было ничего такого, что вызвало бы активный протест. Однако, просуществовав в свете рампы совсем недолго, они умчались безвозвратно, как мшмшжам односторонки, не оставив хотя бы каюто-нибудь следа о себе.

Таких спектаклей на моей памяти было немало — «Испытание» П. Володарова, «Трасса» И. Дворжонко, «Вот я иду!» Г. Березко, «Шансы жизни» Н. Погодина, «Далая негодяимы» Н. Вирты и многие другие.

С ВОБЕОБРАЗИЕ сценического искусства таково, что театральные представления существуют только в пространстве и не существуют во времени.

Театр — искусство самое живое, самое сплержное, самое быстромшмшжамющееся из всех видов искусств. Театр работает для людей своего времени, каждый вечер непоколебимые зрительские залы. Он не имеет права не стремиться к завоеванию признания современников. Он должен быть интересен. Вот почему приемы партия к художникам искусств профессия служить своим искусством народу имеет особый смысл для нас — работников театра.

Недавняя встреча руководящих партий и правительства во главе с Н. С. Хрущевым с представителями художественной интеллигенции имеет колоссальное значение для судьбы советского искусства. С такой силой были поставлены «неизменные принципы развития нашего искусства: realism, партийности, служения народу».

Необходимо с полной мерой принципиальности, высокой художественной требовательности и (хотел бы назвать) беспримиренности в полове, что это бессмысленно и вредно, что во имя успеха общего дела, не выносить торжественных олеков, серьезно разбираться в причинах успеха и неуспеха тех или иных спектаклей, глубоко анализировать эти причины.

Тогда, может быть, станет яснее, почему, иногда случается в залах наш зритель — тот самый народ, которому призывает нас служить партия,

Р. АГАМИРЗЯН,
режиссер Большого драматического театра имени М. Горького